

Н. В. Кравчук*

Наилучшие интересы ребенка: содержание понятия и его место в семейном законодательстве России

Аннотация. В статье рассматривается содержание концепции «интересы ребенка» — как она понимается в российском и международном праве. Отмечается, что в то время как российские ученые определяют содержание концепции, западные авторы, исходя из презумпции отсутствия необходимости закрепления исчерпывающего содержания концепции, анализируют практику ее применения, а именно то, какие действия властей будут являться соблюдением или нарушением интересов ребенка. Анализируется вес, придаваемый интересам ребенка, при установлении баланса между различными правами и интересами. В то время как в международном праве наилучшие интересы ребенка оцениваются и принимаются во внимание в качестве первоочередного и главенствующего соображения, в российском семейном праве приоритет имеют интересы семьи как единого организма. Автор приходит к выводу о том, что внесение наилучших интересов ребенка в число принципов семейного законодательства будет содействовать сокращению количества необоснованных изъятий детей из семьи, что отвечает целям реформы семейного законодательства.

Ключевые слова: наилучшие интересы ребенка, учет интересов ребенка, семейное законодательство России, семейная политика, основы семейного законодательства России, международное право, реформа, отобрание ребенка, изъятие ребенка, права ребенка, семья.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.097-103

Интересы ребенка — одна из важнейших категорий семейного права и по праву пользуется повышенным вниманием ученых и практиков. Ей уделяется внимание и в контексте текущей реформы семейного законодательства, в частности вопросов, связанных с изъятием детей из семьи, где они воспитываются. Казалось бы, российское законодательство закрепляет необходимость учета интересов ребенка судом при принятии решения об отобрании ребенка у родителей (п. 1 ст. 73 Семейного кодекса РФ). Однако дела, связанные с непропорциональным применением

такой меры, как отобрание детей, встречаются с завидной регулярностью. Это связано, во-первых, с тем, что отсутствует единый подход к толкованию «интересов ребенка», что принято объяснять отсутствием в законе определения этого понятия, а во-вторых, с тем, что оно не занимает в российском праве место, принадлежащее ему по праву — место принципа семейного права, одной из его основ.

Что такое «интересы ребенка»? Подход российских ученых к содержанию рассматриваемого понятия в целом един. Ю. Ф. Беспалов видит интересы ребенка в создании условий,

© Кравчук Н. В., 2017

* Кравчук Наталья Вячеславовна, кандидат юридических наук, научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН; доцент кафедры международного права Российского государственного университета правосудия; член Экспертного совета при Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка

natkravchuk@mail.ru

117292, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 15

необходимых для его содержания и благополучного развития¹. Именно термин «развитие» составляет основу определения понятия «интересы ребенка» с точки зрения А. М. Нечаевой, которая пишет, что он относится к числу сложных за счет многообразия его признаков. Оценка интересов ребенка с точки зрения его развития (нравственного, духовного, физического) служит первым шагом в определении его истинных интересов как развивающейся личности².

О. Г. Миролюбова предлагает определить «интересы ребенка» как охраняемые законом потребности ребенка в материальных или духовных благах, обеспечивающих его гармоничное личностное развитие, либо (в зависимости от степени осознания) стремление к достижению этих благ, служащее регулятором деятельности ребенка, его родителей, законных представителей, иных субъектов, уполномоченных государственных органов, а также критерием осуществления и защиты прав³. Ссылка Миролюбовой на мнение ребенка, учет которого необходим для определения интересов ребенка, важна.

Несмотря на дискуссионность многих вопросов в этой области, таких как, например, необходимость двойного критерия при учете мнения ребенка, признание выявления мнения ребенка в качестве неотъемлемой части процесса определения его интересов является подтверждением признания его субъектности и соответствует духу современных стандартов права в этой области. Однако определение интересов ребенка как охраняемых законом потребностей ребенка в благах, обеспечивающих его гармоничное личностное развитие или стремление к их достижению, вызывает вопрос о потребностях ребенка, не охраняемых законом (речь идет в первую очередь о законе РФ).

Возьмем несопровождаемых и разлученных с родителями детей. К сожалению, российское законодательство не выделяет эту категорию детей, в качестве требующей дополнительных гарантий защиты, которыми ее наделяет международное право⁴. Означает ли это, что поиск членов семьи ребенка, как этого требует международное право, будет не в его интересах? Очевидно, это не так. Более того, меры по устройству такого ребенка, принятые без учета возможности его передачи родственникам, будут нарушением его прав и интересов. А значит, и критерий охраняемости интересов законом, исправно применяемый на практике государственными органами, уполномоченными на защиту интересов детей, скорее, препятствует в определении истинных интересов ребенка, нежели дополняет определение этой категории.

Сходный вопрос возникает и применительно к ограничению интересов ребенка благами, обеспечивающими его гармоничное личностное развитие. Означает ли это, что у ребенка не может быть интересов, не связанных с его развитием? Ответ на этот вопрос укладывается в традиционную презумпцию того, что ребенок в первую очередь должен быть сыт и здоров, а не счастлив, нашедшую отражение в практике судов, определявших место жительства ребенка с тем родителем, у которого стабильная заработная плата и возможность предоставить ребенку отдельную комнату.

Определение содержания понятия «интересы ребенка» осложняется еще и тем, что это межотраслевое понятие. К его толкованию и применению имеют отношение специалисты из разных сфер жизни. Как отмечает О. Ю. Ильина, разноотраслевой подход к исследованию того или иного вопроса обуславливает и различное смысловое наполнение рассматриваемого понятия⁵. Необходимость привести различные

¹ Сологуб А. Ю. Категория «законный интерес» как элемент правового статуса ребенка // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 29. С. 142.

² Нечаева А. М. Защита интересов ребенка в многодетной семье // Законы России. Опыт, анализ, практика. 2012. № 6. С. 62.

³ Миролюбова О. Г. О семейно-правовом понятии «интересы ребенка» // Вестник ЯрГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. № 4/1. С. 57—58.

⁴ Kravchuk N. Re-defining unaccompanied and separated children in Russia // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. 2016. № 2. Р. 41.

⁵ Ильина О. Ю. Понятие и иерархия интересов в семье и семейных правоотношениях // Проблема гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. М., 2015. С. 53.

органы, принимающие участие в работе с детьми к единому пониманию интересов ребенка, породило идею предусмотреть в семейном законодательстве определение понятия, закрепив перечень факторов, который должен приниматься во внимание при их оценке. Такой подход представляется ошибочным. Не случайно это не было сделано при разработке текста Конвенции ООН о правах ребенка.

Избежать обращения к международному праву, говоря об интересах ребенка, невозможно, ведь оно, примиряя правовые традиции различных стран, устанавливает единые минимальные стандарты защиты прав и интересов ребенка. Ими руководствуются современные российские и зарубежные ученые в своих научных изысканиях. В первую очередь речь идет именно о Конвенции ООН о правах ребенка, принятой в 1989 г.⁶ Однако «интересы ребенка» фигурируют и в Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, созданной в 1980 г.⁷, применение которой также много дало пониманию содержания рассматриваемой нами концепции⁸. В ее преамбуле подчеркивается, что «интересы детей являются вопросом первостепенного значения, что касается опеки над ними».

Статья 3 Конвенции ООН о правах ребенка гласит, что «во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка». Таким образом, понимание интересов ребенка как сложного понятия,

выходящего за рамки семьи и отдельной отрасли права, регулирующей семейные правоотношения, присутствует и на международном уровне. Здесь интересы ребенка распространяются на все действия и решения государства, которые потенциально могут сказаться на нем.

Цель учета интересов ребенка — обеспечить физическую, психологическую, моральную и духовную целостность и неприкосновенность ребенка и содействовать утверждению его человеческого достоинства. Каково именно содержание «интересов ребенка» Конвенция не расшифровывает. Нет исчерпывающего описания содержания интересов ребенка и в документах Комитета по правам ребенка ООН⁹ (КПР), систематизировавшего глобальное применение этой категории. Его «Замечание общего порядка № 14 (2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (п. 1 ст. 3)»¹⁰ (далее — Замечание) применяет эту концепцию в качестве развивающейся, что означает «проведение оценки сообразно конкретному контексту» (п. 1 Замечания).

Из-за отсутствия точного определения концепция неоднократно подвергалась критике как неясная и неопределенная, как некий субъективный стандарт, подверженный бесконечному количеству трактовок и не свободный от злоупотребления и идеологической эксплуатации¹¹. В то же время, как отметил Фриман, интересно не только то, что Конвенция говорит, но так же и то, о чем она умалчивает¹². Отсутствие списка факторов, которые должны приниматься во внимание для установления и оценки интересов ребенка, не случайно. Оно указывает на необходимость их установления

⁶ Конвенция ООН о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 45. Ст. 955.

⁷ СЗ РФ. 2011. № 51. Ст. 7452.

⁸ *Silvis J.* Prevention of child abduction // *Melanges en l'honneur de/Essays in honour of Dean Spielmann.* Oisterwijk, 2015. P. 604.

⁹ Орган, действующий во исполнение Конвенции ООН о правах ребенка.

¹⁰ Замечание общего порядка № 14 (2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов. 29 мая 2013. CRC /C/GC/14 // URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/528b2c874.html> (дата обращения: 22.03.2016).

¹¹ *Turković K., Grgić A.* Best interests of the child in the context of article 8 of the ECHR // *Melanges en l'honneur de/essays in honour of Dean Spielmann.* Oisterwijk, 2015. P. 629 ; *Artis J.E.* Judging the best interests of the child. Judges'accounts of the tender years doctrine // *Law and Society review.* 2004. Vol. 38. № 4. P. 775.

¹² *Freeman M.* Article 3. The Best interests of the Child. Leiden, 2007. P. 2.

применительно к каждому ребенку, а также на нежелание как-либо ограничивать толкование этого понятия. Эта позиция разделяется не только КПР. Интересно, что это понимание присутствовало и в России, причем задолго до появления Конвенции ООН о правах ребенка. Так, в российском документе XIX в., регулирующем эти вопросы, было закреплено, что «только после добросовестного исследования в каждом данном случае всей внутренней обстановки и жизни семьи означенный вопрос может подлежать правильному и отвечающему интересам детей разрешению» (Свод законов Российской империи, т. X, ч. I)¹³.

Характеризуя зарубежные научные исследования в этой области, можно сказать, что они посвящены не тому, что такое «интересы ребенка», а тому, что в «интересах ребенка». Исходя из презумпции отсутствия необходимости закрепления исчерпывающего содержания концепции, ученые анализируют практику ее применения, а именно то, какие действия властей будут являться соблюдением или нарушением интересов ребенка¹⁴.

Место «интересов ребенка» в семейном законодательстве. Конвенция о правах ребенка ООН основана на идее необходимости особой защиты ребенка¹⁵. Помимо ряда разнообразных прав ребенка, она закрепляет несколько принципов, которые применяются при толковании любого положения Конвенции. Необходимость учета «наилучших интересов ребенка» — один из них.

Комитет по правам ребенка, признавая первостепенную важность этого положения, посвятил этому принципу вышеупомянутые

Замечания общего порядка¹⁶. Этот документ закрепляет положение о том, что наилучшие интересы ребенка должны оцениваться и приниматься во внимание в качестве **первоочередного соображения** при принятии в его отношении любых действий или решений как в государственной, так и в частной сфере. Иными словами, интересы ребенка — это система координат, и в ее рамках должна рассматриваться ситуация, в которой находится ребенок, и действия, которые должны предпринимать окружающие его люди и уполномоченные органы. При этом интересы ребенка главенствуют при возникновении конфликта его и каких-либо иных интересов.

Совершенно другое положение занимают интересы ребенка в российском законодательстве. Учет интересов ребенка отсутствует среди основ семейного законодательства. Неприемлемость приоритета интересов ребенка обоснована и на теоретическом уровне. О. Ю. Ильина отмечает, что анализ ст. 7 СК РФ (Осуществление семейных прав и исполнение семейных обязанностей) позволяет сделать вывод о том, что приоритет частных интересов отдельных членов семьи исключен. Она указывает, что цель государственного регулирования отношений между членами семьи — обеспечение интересов семьи как единого организма¹⁷. При этом интересы семьи представляют собой совокупность интересов всех ее членов, специфика интересов семьи обусловлена индивидуальностью интересов каждого из членов семьи¹⁸. Несмотря на то, что Ильина отмечает возможность противоречий интересов разных членов семьи¹⁹, она все же

¹³ Нечаева А. М. Правовые проблемы семейного воспитания несовершеннолетних: монография. М., 2016. С. 43.

¹⁴ См. например: Artis J. E. Op. cit. P. 769—806. ; Tanguay M.P. The critical power of semiotics of law// International journal for the semiotics of law. 2010. Vol. 23. № 1. P.23—26 ; Lundberg A. The best interests of the child principle in Swedish asylum cases: the marginalization of children's rights// Journal of human rights practice. 2011. Vol.3. № 1. P. 49—70. ; Silvis J. Op. cit. P. 603—614.

¹⁵ Linde R. The globalization of childhood: the international diffusion of norms and law against the child death penalty// European journal of international relations. 2014. № (20) 2. P. 565.

¹⁶ Документ, в котором эксперты Комитета приводят результаты анализа практики имплементации положений Конвенции по конкретному праву/проблеме в разных странах и дают соответствующие рекомендации общего характера.

¹⁷ Ильина О. Ю. Указ. соч. С. 68.

¹⁸ Указ. соч. С. 65.

¹⁹ Указ. соч. С. 52.

приходит к выводу о том, что приоритет имеют интересы семьи в целом, а субъекты семейных правоотношений должны соотносить с ними свои интересы²⁰.

Позиция, когда права и наилучшие интересы ребенка конкурируют с государственными интересами и проигрывают им²¹, нашла свое отражение и в других нормативных правовых актах, являющихся частью семейного законодательства современной России. Так, Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г.²² закрепляет такие принципы осуществления государством семейной политики, как самостоятельность семьи в принятии решений относительно своей внутренней жизни, презумпция добросовестности родителей в осуществлении родительских прав и повышение авторитета родительства в семье и обществе. Принцип защиты интересов ребенка в ней отсутствует.

Принятая недавно Национальная стратегия в интересах детей на 2012—2017 годы²³ (ключевой документ в области защиты прав детей на национальном уровне в России) вывела рассматриваемое нами понятие на беспрецедентно высокий уровень. К тому же она закрепляет приоритет норм международного права при определении направлений и задач в защите интересов ребенка государством. Однако содержание этого документа вновь под-

тверждает, что государственное регулирование направлено в первую очередь на увеличение численности детского населения и его оздоровление — государственные интересы в области демографии ставятся над интересами ребенка в их широком, международно-правовом понимании.

Отсутствие приоритета учета наилучших интересов ребенка среди принципов семейного законодательства посылает ложный сигнал органам, уполномоченным на защиту детей. Суд, не имеющий в своем арсенале алгоритма оценки действий органов, изымающих детей, и основывающий свое решение на формальном соответствии действий закону без учета их пропорциональности, не может быть гарантом соблюдения интересов ребенка. Эффективность текущей реформы семейного законодательства во многом будет зависеть от того, будет ли скорректирован этот подход. Внесение положения, закрепляющего «необходимость учета наилучших интересов ребенка» в число основ семейного законодательства, позволит учитывать его при толковании и применении всех положений закона, касающихся изъятия ребенка из семьи (в том числе приемной), лишения и ограничения родительских прав, что, на наш взгляд, будет способствовать сокращению количества необдуманных изъятий детей из семейного окружения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ильина О. Ю. Понятие и иерархия интересов в семье и семейных правоотношениях // Проблема гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. — М. : Юнити, 2015. — С. 52—56.
2. Миролюбова О. Г. О семейно-правовом понятии «интересы ребенка» // Вестник ЯрГУ. — Сер.: Гуманитарные науки. — 2012. — № 4/1. — С. 56—58.
3. Нечаева А. М. Защита интересов ребенка в многодетной семье // Законы России. Опыт, анализ, практика. — 2012. — № 6. — С. 59—67.
4. Сологуб А. Ю. Категория «законный интерес» как элемент правового статуса ребенка // Вопросы современной юриспруденции. — 2013. — № 29. — С. 140—144.

²⁰ Ильина О. Ю. Указ. соч. С. 71.

²¹ Lundberg A. Op. cit. P. 49—70.

²² Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. №1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/government/146> (дата обращения: 24.12.2015).

²³ Указ Президента РФ № 761 от 01.06.2012 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы» // СЗ РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.

5. *Artis J. E.* Judging the best interests of the child. Judges'accounts of the tender years doctrine // *Law and Society review.* — 2004. — Vol. 38. — № 4. — P. 769—806.
6. *Kravchuk N.* Re-defining unaccompanied and separated children in Russia // *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki.* — 2016. — № 2. — P. 36—44.
7. *Linde R.* The globalization of childhood: the international diffusion of norms and law against the child death penalty // *European journal of international relations.* — 2014. — № 2 (20). — P. 544—568.
8. *Lundberg A.* The best interests of the child principle in Swedish asylum cases: the marginalization of children's rights // *Journal of human rights practice.* — 2011. — Vol. 3. № 1. — P. 49—70.
9. *Silvis J.* Prevention of child abduction // *Melanges en l'honneur de/Essays in honour of Dean Spielmann.* — Oisterwijk, 2015. — P. 603—614.
10. *Tanguay M. P.* The critical power of semiotics of law // *International journal for the semiotics of law.* — 2010. — Vol. 23. — № 1. — P. 23—26.
11. *Turković K., Grgić A.* Best interests of the child in the context of article 8 of the ECHR // *Melanges en l'honneur de / essays in honour of Dean Spielmann.* — Oisterwijk, 2015. — P. 629—642.

Материал поступил в редакцию 15 марта 2017 г.

THE BEST INTERESTS OF THE CHILD: THE CONTENT OF THE CONCEPT AND ITS PLACE IN RUSSIAN FAMILY LAW

KRAVCHUK Natalia Vyacheslavovna — PhD, Research Fellow of the Department of Jurisprudence of the ISSS of the RAS; Associate Professor of the Department of International Law of the RHUM; Member of the Expert Council under the Commissioner of the President of the Russian Federation for Children's Rights
natkravchuk@mail.ru
117292, Russia, Moscow, ul. Krzhizhanovskogo, d. 15, kv. 2

Review. *The article deals with the content of the concept "the interests of the child" as it is understood in Russian and international law. It is noted that, while Russian scholars define the content of the concept, the western authors, acting within the framework of the presumption that there is no need to maintain the exhaustive content of the concept, examine the practice of its application, namely, which acts undertaken by state authorities amount to respect of the interests of the child and which ones result in their violation. The author analyses the weight given to the interests of the child in balancing various rights and interests. Whereas in international law the best interests of the child are assessed and taken into account as a priority and overriding consideration, in Russian family law the priority is given to the interests of the family as a union. The author concludes that including the "best interests of the child" into the principles of family law will help to reduce the number of cases when children are unreasonably taken from the family, which is in line with the objectives of the family law reform.*

Keywords: *best interests of the child; accountability for the interest of the child (child-sensitive); Russian family law; Family Policy; foundations of Russian family law; International law; reform; taking children away from parents; rights of the child; family.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Il'ina O. Ju.* Ponjatie i ierarhija interesov v sem'e i semejnyh pravootnoshenijah. V: Problema garmonizacii chastnyh i publicnyh interesov v semejnom prave Rossijskoj Federacii. M.: Juniti, 2015. S. 52— 56.
2. *Miroljubova O. G.* O semejno-pravovom ponjatii «interesy rebenka»// *Vestnik JarGU. Serija Gumanitarnye nauki.* 2012. № 4/1. S. 56—58.
3. *Nechaeva A. M.* Zashhita interesov rebenka v mnogodetnoj sem'e// *Zakony Rossii. Opyt, analiz, praktika.* 2012. № 6. S. 59—67.
4. *Sologub A. Ju.* Kategorija «zakonnyj interes» kak jelement pravovogo statusa rebenka//*Voprosy sovremennoj jurisprudencii.* 2013. № 29. S. 140—144.

5. *Artis J. E.* Judging the best interests of the child. Judges'accounts of the tender years doctrine // *Law and Society review.* — 2004. — Vol. 38. — № 4. — P. 769—806.
6. *Kravchuk N.* Re-defining unaccompanied and separated children in Russia // *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki.* — 2016. — № 2. — P. 36—44.
7. *Linde R.* The globalization of childhood: the international diffusion of norms and law against the child death penalty // *European journal of international relations.* — 2014. — № 2 (20). — P. 544—568.
8. *Lundberg A.* The best interests of the child principle in Swedish asylum cases: the marginalization of children's rights // *Journal of human rights practice.* — 2011. — Vol. 3. № 1. — P. 49—70.
9. *Silvis J.* Prevention of child abduction // *Melanges en l'honneur de/Essays in honour of Dean Spielmann.* — Oisterwijk, 2015. — P. 603—614.
10. *Tanguay M. P.* The critical power of semiotics of law // *International journal for the semiotics of law.* — 2010. — Vol. 23. — № 1. — P. 23—26.
11. *Turković K., Grgić A.* Best interests of the child in the context of article 8 of the ECHR // *Melanges en l'honneur de / essays in honour of Dean Spielmann.* — Oisterwijk, 2015. — P. 629—642.